

Зарубежная Россия vs русская диаспора в межвоенный период*

Зоя Бочарова

Ирина Купцова

Московский государственный университет,
Москва, Россия

Russia Abroad vs Russian Diaspora in the Interwar Period

Zoya Bocharova

Irina Kuptsova

Moscow State University,
Moscow, Russia

This article considers a relevant issue of modern historiography, i. e. the expediency of introducing the concept of “Russia Abroad” in the study of Russian emigration of the 1920s–1930s, along with the definition of “diaspora”. The task is complicated by the lack of a unified categorical apparatus and a variety of interpretations. The problem is solved based on structural and constructivist approaches, as well as comparative analysis. The authors propose their own classification of identifying features of the diaspora, highlighting the geographical (territorial), social, political, cultural, and mental blocks. The phenomenon of Russia Abroad is analysed through the prism of diasporisation. The article shows the process of institutionalisation of the Russian emigration of the 1920s, which brings it closer to the diaspora. However, its composition, unlike that of diaspora, was polyethnic. The dominant trend was the preservation of not ethnic but cultural and civic identity, which determined the structure-forming leitmotif of activity aimed at constructing its “Russia Abroad”. However, having renounced the citizenship of Soviet Russia/USSR and recognising the Soviet government as illegitimate, the emigrants unsuccessfully tried to consolidate a legal connection with the state that had disappeared from the political map of the world, trying to defend the old passports. The vectors of reflexive activity with a myth-generating potential were an ostentatious opposition

* Citation: Bocharova, Z., Kuptsova, I. (2024). Russia Abroad vs Russian Diaspora in the Interwar Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 321–338. DOI 10.15826/qr.2024.1.881.

Цитирование: Bocharova Z., Kuptsova I. Russia Abroad vs Russian Diaspora in the Interwar Period // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 321–338. DOI 10.15826/qr.2024.1.881 / Бочарова З., Купцова И. Зарубежная Россия vs русская диаспора в межвоенный период // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 321–338. DOI 10.15826/qr.2024.1.881.

to all things Soviet, the preservation of national identity and traditional values (unlike those born in the revolution), the “ethical code”, social norms, and the justification of the missionary role of emigration. Of the many institutions that claimed to have become a successor authority, the Council of Former Ambassadors headed by M. N. Girs stands out. He concentrated human, financial, material, and organisational potential in his hands and had representation at international organisations, including the League of Nations, in Geneva. The foreign diplomatic corps became the guardian of the idea of all-Russian statehood. Well-established communication links helped him to carry out tasks that were not typical of him, adapted to the new situation and focusing primarily on the settlement of the legal situation of refugees. The article concludes about the consolidating function of both mythmaking and activities aimed at reproducing the attributes of statehood. The Russian “state-like form of being” contributed to the preservation of the Russian language, national identity, and the creation of a system of Russian educational institutions and institutes of historical memory. The doom of Russia Abroad was due to both its conservatism and confrontation with the motherland. The division into two Russias could not carry a positive potential. Foreign Russia can be characterised as a diaspora, but this phenomenon goes beyond even the wide range of identification features that are given to the diaspora today.

Keywords: Russian emigration in the 1920s–1930s, diaspora, Russia Abroad, refugees, identity, mythmaking, M. N. Girs, Council of Former Ambassadors

Статья посвящена дискуссионной проблеме современной историографии – целесообразности введения понятия «Зарубежная Россия» при исследовании российской эмиграции 1920–1930-х гг. наряду с дефиницией «диаспора». Задача осложняется отсутствием унифицированного категориального аппарата, многообразием трактовок. Проблема решается на основе структурного и конструктивистского подходов, сравнительного анализа. Авторы предлагают собственную классификацию идентифицирующих признаков диаспоры, выделяя географический (территориальный), социальный, политический, культурный, ментальный блоки. Феномен Зарубежной России анализируется через призму диаспоризации. Показан процесс институционализации российской эмиграции 1920-х гг., что сближает ее с диаспорой. Однако состав ее, в отличие от диаспоры, был полиэтничным. Доминирующей тенденцией стало сохранение не этнической, а культурной и гражданской идентичности, определившей структурообразующий лейтмотив деятельности, направленной на конструирование своей «России за рубежом». Однако, отказавшись от гражданства Советской России / СССР, признавая советскую власть нелегитимной, эмигранты безуспешно пытались закрепить юридическую связь с государством, исчезнувшим с политической карты мира, пытаясь отстоять старые паспорта. Векторами рефлексивной деятельности с мифопорождающим потенциалом стали демонстративное противопоставление всему советскому, сохранение национального самосознания и традиционных ценностей (в отличие от рожденных в революции), этического кодекса, социальных норм, обоснование миссионерской роли эмиграции. Из множества институтов, претендовавших на то, чтобы стать преемственным органом власти,

выделяется Совет бывших послов во главе с М. Н. Гирсом, сосредоточивший в своих руках кадровый, финансовый, материальный и организационный потенциал, имевший представительство при международных организациях, в том числе в Лиге Наций в Женеве. Заграничный дипломатический корпус стал охранителем идеи общерусской государственности. Отлаженные коммуникативные связи помогли осуществлять несвойственные ему приспособленные к новой ситуации задачи, сосредоточенные прежде всего на урегулировании правового положения беженцев. Сделан вывод о консолидирующей функции как мифотворчества, так и деятельности, направленной на воспроизводство атрибутов государственности. «Государствообразная форма бытия» способствовала сохранению русского языка, национального самосознания, созданию системы русских образовательных учреждений, институтов исторической памяти. Обреченность Зарубежной России была обусловлена как ее консерватизмом, так и конфронтацией с родиной. Разделение на две России не могло нести в себе позитивного потенциала. Зарубежную Россию можно характеризовать как диаспору, но этот феномен выходит за рамки даже того широкого спектра идентификационных признаков, которыми сегодня наделяют диаспору.

Ключевые слова: российская эмиграция 1920–1930-х гг., диаспора, Зарубежная Россия, беженцы, идентичность, мифотворчество, М. Н. Гирс, Совет бывших послов

Рост численности диаспор, повышение их экономической, социокультурной роли, их претензии на место в системе политических институтов позволяют ученым говорить о процессе диаспоризации в современном мире. За многовековую историю диаспор определились имманентные, классические черты этого явления, а также сформировались новые, обретенные в ходе его эволюции. Будучи плодом эмиграции, диаспора как концепт предполагает широкий спектр возможностей для объяснения транснациональных передвижений и сообществ.

В современном научном дискурсе российскую эмиграцию 1920–1930-х гг. характеризуют не только как диаспору, но и как феномен, который в определенной мере дублировал дореволюционный социум, вобрал в себя элементы государственного, политического и общественного строя. Сформировавшееся транснациональное пространство аргументированно принято называть Зарубежной Россией, подчеркивая отличия межвоенной эмиграции от других ее волн.

Цель настоящей статьи – соотнести понятия «Зарубежная Россия» и «диаспора», выявить целесообразность введения определения «Зарубежная Россия» применительно к межвоенной российской эмиграции, не ограничиваясь дефиницией «диаспора». Ее достижение осложняется отсутствием единого подхода и общепринятой трактовки одного и другого концептов. Поэтому параллельно будут решаться задачи уточнения рабочих определений и смысловой нагрузки этих явлений.

Дискурс о диаспоре

Концептуализация понятия «диаспора» началась со второй половины XX в. в связи с активизацией миграционных процессов в условиях глобализации, прежде всего в западной историографии [Armstrong; Modern Diasporas; Van Hear; Brubaker; Шеффер; и др.]. В России же диаспора оказалась в центре исследований после распада СССР [Иларионова; Левин; Полоскова; и др.]. Диаспоры стали объектом изучения комплекса социально-гуманитарных дисциплин (этнологии, антропологии, лингвистики, социологии, культурологии, политологии, истории и др.), что обусловлено сложностью, междисциплинарным характером явления, многообразием подходов к пониманию данного феномена. Р. Брубейкер указывает на «разброс значений этого термина в семантическом, концептуальном и дисциплинарном пространстве» [Brubaker, p. 1]¹, а Й. Шаин – на оперирование огромным массивом информации в диаспоральных исследованиях при отсутствии четкой аналитической ориентации [Интервью].

Содержание понятия менялось в исторической ретроспективе в зависимости от инструментария и подходов, масштаба и содержания миграционных процессов. Но «даже в рамках одной и той же научной дисциплины ведутся серьезные дискуссии по вопросу о том, какую смысловую нагрузку несет в себе понятие “диаспора”» [Кондратьева, с. 20]. Полюсами многообразия подходов являются теории примордиализма и конструктивизма.

Обобщение историографического опыта позволяет выявить такие свойства диаспоры, которые можно «примерить» на российскую эмиграцию 1920–1930-х гг. Выделим условно пять блоков: географический (территориальный), социальный, политический, культурный, ментальный.

Одним из бесспорных признаков является *географический (территориальный)* – признание иммиграционной основы возникновения диаспоры с последующим проживанием в иноязычном окружении. При этом ряд исследователей считает насильственное переселение из страны условием для формирования диаспоры [Шнирельман, с. 6], но этот фактор все реже признается определяющим. Вопрос о числе стран расселения решается ситуативно.

В *социальном блоке* исследователи называют несколько признаков. Во-первых, диаспора сохраняет этническую идентичность, которая связана со страной – центром исхода. Идентичности либо излишне консервативны, либо изменчивы и требуют дополнительной мобилизации посредством широкого спектра инструментов – языка, исторической памяти и опыта, традиций, религии, наследуемых от предыдущих поколений. По мере адаптации в стране проживания может формироваться бинарная или даже множественная самоидентификация в силу связей и со страной-реципиентом, и с исторической

¹ Здесь и далее перевод цитат авторов статьи.

родиной. Этническая идентичность и социокультурная основа диаспоры в стремлении сохранить самобытность составляют антитезу принимающему обществу [Полоскова, с. 19 и др.]. Поэтому, во-вторых, диаспора рассматривается как социальная группа, характеризующаяся высоким уровнем групповой сплоченности, скрепой которой является коллективный опыт [Safran, p. 84; Cohen, p. 18 и др.]. Соответственно, в-третьих, диаспору отличает способность к внутренней самоорганизации и самоуправлению, стимулированная стремлением к сохранению, развитию, воспроизводству прежде всего этнической идентичности, самобытности и реализованная через создание устойчивых социальных институтов и организаций, концептуализацию этнических интересов [Залитайло; Полоскова, с. 19; Скалабан, с. 22; Тощенко, Чаптыкова, с. 37]. Коллективные связи, групповая солидарность могут носить как формальный, так и неформальный характер. К указанным признакам некоторые специалисты добавляют постепенное формирование в диаспоре этноэлит [Авдашкин, с. 110–111], «ядра интеллектуалов» [Кондратьева, с. 31].

Политический блок признаков включает стратегии взаимодействия с политическими институтами как страны проживания, так и исторической родины, ирредентизм. Отличительной чертой является убежденность в необходимости выполнения миссии по отношению к родине посредством создания и достижения ее идеального образа. Члены диаспоры «должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности» [Тишков, 2001, с. 21].

В *культурном блоке* отмечаются следующие признаки: «коллективная память о стране исхода, ее мифологизация» [Safran, p. 85], национальная идея [Тощенко, Чаптыкова, с. 36], акцент на культурных достижениях и национальных героях [Залитайло; Тишков, 2001, с. 22], общность культурных ценностей [Полоскова, с. 18]. Ключевым культурным признаком диаспоры является язык.

Особо выделим тесно связанный с культурным *ментальный блок*. Он включает характеристику «образа мыслей, системы идей и символов, мироощущение, совокупность духовных и морально-этических установок диаспоры как социоэтнической группы» [Левин, с. 9]. Отмечается восприятие членами диаспоры себя в качестве чужаков в принимающем обществе [Safran, p. 84; Левин, с. 20–27; Тишков, 2001, с. 20]. Сложившийся менталитет З. И. Левин считает высшим проявлением признака диаспоры [Левин, с. 9, 18]. В. Н. Шнирельман оперирует понятием «диаспоральный синдром», который «вызывает расцвет этногенетической мифологии», помогая преодолевать психологический шок [Шнирельман, с. 6–7]. А. Ю. Милитарев вводит категорию особого «диаспорального сознания» группы, которое характеризуется общностью происхождения, предысторией, верованиями, «исторической судьбой» [Милитарев, с. 25].

Диалектическое взаимодействие всех признаков обуславливает существо диаспоры. И если проанализировать имеющиеся дефиниции, можно выявить элементы всех пяти блоков отличительных черт, выраженных в большей или меньшей степени. Так, В. Сафран в определении диаспоры как сообщества меньшинств-эмигрантов использует географический признак (рассеянность из определенного первоначального «центра»), социальный признак (солидарность), политический признак (приверженность сохранению или восстановлению своей исконной родины, ее безопасности и процветания), культурный признак (сохранение коллективной памяти, представлений и мифа о своей исконной родине), ментальный признак (этнообщинное сознание) [Safran, p. 83–84].

В определении Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыковой диаспора рассматривается как устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, которую характеризуют географический признак (иноэтническое окружение за пределами своей исторической родины или вне ареала расселения своего народа), социальный признак (наличие социальных институтов для развития и функционирования данной общности), культурный признак (сохранение и поддержание национальной самобытности (языка, культуры, сознания), политический признак (наличие у этнической общности определенных организационных форм ее существования) [Тощенко, Чаптыкова, с. 35–37].

Однако с позиций конструктивизма диаспора – это «не реально существующее коллективное тело со своим самосознанием, характером, волей, судьбой, а человеческие отношения (социальные, политические, эмоциональные), связанные с воображаемыми коалициями», с конструкцией «свой» – «чужой» [Тишков, 2005, с. 10]. В. А. Тишков идентифицирует диаспору как «стиль жизненного поведения», «ситуацию и личный выбор», а не демографическую или этническую реальность [Тишков, 2001, с. 22]. По мнению А. Наумова, совокупность эмигрантов становится диаспорой, лишь демонстрируя единение на почве культуры (прежде всего языка), этноса, связи с родиной, и превращается в особое устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние социума во главе с «ядром интеллектуалов» [цит. по: Кондратьева, с. 31]. Р. Брубейкер также предлагает рассматривать диаспору не как ограниченную сущность, а как идиому, позицию и утверждение [Brubaker, p. 13].

При этом, как заметил Р. Коэн, сторонники социального конструктивизма преувеличивают «искусственность» (made-up) диаспоральных идентичностей. Хотя эти идентичности нестабильны и нуждаются в дополнительной мобилизации, все-таки средства для этого (язык, память, традиция, религия и исторический опыт) наследуются от предыдущих поколений [Интервью].

Зарубежная Россия: имманентные и диаспоральные признаки

Для Зарубежной России диаспоризация стала лейтмотивом существования. Пожалуй, это первый опыт в истории российской эмиграции, столь последовательно соединивший в себе все признаки диаспоры, которые были концептуализированы лишь полвека спустя.

Географический (территориальный) блок. Складывание Зарубежной России началось с массового исхода с территории бывшей Российской империи после поражения белых армий в ходе Гражданской войны. Эмиграционный процесс характеризовался вынужденной причинностью и носил транснациональный характер, охватив в большей или в меньшей степени примерно 45 стран.

Социальный блок. Важнейшим признаком диаспоры в социальном блоке исследователи примордиалистского направления считают *этническую идентичность*. Однако лицо послереволюционной эмиграции определял не этот фактор, а страна происхождения, то есть гражданская идентичность. Российская империя была мультиэтничным государством, и представители целого ряда этносов оказались за границей. Но в местах расселения преобладали их идентификация и самоидентификация не с этносом, а с потерянной родиной, что отчасти объясняется доминированием этнических русских². Расхожее выражение Р. Гуля «Мы не покинули Россию, мы унесли ее с собой» является зеркалом сложившегося диаспорного менталитета. Дифференциация шла преимущественно по политическому, а не этническому признаку³.

Решая вопрос о правовом статусе выходцев из Российской империи, некоторые юристы-эмигранты безуспешно предлагали узаконить национальные паспорта досоветского образца и выдававшиеся русскими несоветскими миссиями за рубежом. Но Лига Наций предложила свой вариант субсидиарного документа (позже названного «нансеновский паспорт»), который предлагалось назвать «удостоверением личности беженца». Но, пойдя на уступку эмигрантам, слово «беженец» исключили, а в документ внесли указание, что его обладатель «русского происхождения, не принявший никакого другого подданства». Однако эфемерная цель закрепить юридическую связь с государством, исчезнувшим с политической карты мира, а Зарубежную Россию признать как его подобие, не увенчалась успехом.

² До революции удельный вес русских в эмиграционном потоке составлял не более 2 %, а в 1920 г., по сведениям Красного Креста, 95,2 % [Комин, с. 18].

³ По наблюдению И. Л. Бабич, разделение внутри кавказских (и северокавказских) диаспор во Франции в 1920–1930-е гг. проходило по политическому критерию (пророссийско-имперские (монархические) и националистические группы эмигрантов): «Одних тянуло к русским, и они плотно общались с русскими эмигрантами, обращались в русские общественные организации за помощью, становились членами русских профессиональных союзов; других снедала ненависть к русским, их культуре и языку, и они всячески избегали контактов с представителями русской колонии, предпочитая устанавливать связи с французской средой» [Бабич, с. 118].

В статье «Нобелевские дни» И. А. Бунин писал: «торжественно свисают со стен полотнища шведского национального флага: обычно украшают эстраду флаги всех стран, к которым принадлежат лауреаты; но какой флаг имею я лично, эмигрант?» [Бунин, 1991, с. 38]. Писатель был признателен организаторам за понимание необычности его положения, то есть «принадлежности к той странной России, которая сейчас рассеяна по всему свету» [Бунин, 1950, с. 264].

Тем не менее, гражданская идентичность стала объединяющей основой Зарубежной России наряду с социокультурной. Также, в отличие от диаспоры, сохранение языка, традиций, религии, реконструкция элементов исторической памяти происходили не в силу преемственности или наследования опыта предыдущих поколений эмиграции или бытующих на родине, в советской стране, а на основе ценностей, культивировавшихся в дореволюционной России. Отсюда – мифологема об унесенной с собой родине. Бинарная или тем более множественная самоидентификация в Зарубежной России исключалась. Все, что выходило за рамки традиций, сложившихся в добольшевицкий период, объявлялось чуждым или предательским, непатриотичным. Так, генерал П. Н. Врангель, будучи категорическим противником натурализации, предостерегал от этого шага военных; управляющий делами бывшего российского посольства в Лондоне, затем основатель Русского дома в Лондоне⁴ Е. В. Саблин саботировал политическую деятельность «всяких Ивановых, Петровых и Сидоровых, обзаведшихся британскими паспортами», допуская «доморощенных бриттов» лишь к церковным делам⁵ [Чему свидетели мы были, с. 323], и т. д. Охранителями «русского мира» выступали организации, одни из которых играли общеэмигрантскую роль, другие массово создавались в странах проживания для облегчения адаптации на местах⁶.

Еще один признак социального блока – *самоорганизация*. Единение, групповую сплоченность формировал коллективный опыт проживания в России, революции, Гражданской войны, исхода с родной земли, преодоления трудностей адаптации. Также межвоенную эмигрантскую волну отличала концентрация политических и общественных деятелей, которые способствовали институционализации. Научная, академическая, культурная, военная, политическая элита более ярко осознавала последствия утраты родины и ответственность за организацию жизни в изгнании. Представители уже существовавших структур (Земгора – Главного по снабжению армии комитета Всероссийских

⁴ К полувековому юбилею поступления Е. В. Саблина на службу в Министерство иностранных дел газета «Русская мысль» опубликовала небольшую заметку, в которой говорилось, что в Русский дом представители русской колонии входили как на родную землю, под его крышей неловко было чувствовать себя денационализированным [Юбилей Е. В. Саблина].

⁵ Сам Е. В. Саблин сохранил свой нансеновский паспорт до конца своих дней.

⁶ И. Л. Бабич приводит пример создания во Франции Союза дворян, в который вошли 540 чел., но не были включены те, кто приняли французское гражданство [Бабич, с. 117].

земского и городского союзов, Российского Красного Креста, дипломатического корпуса) использовали кадровый потенциал, налаженные связи, остававшиеся материально-финансовые ресурсы. Консолидация шла в нескольких плоскостях: политической, культурной, информационной, научной, образовательной. В значительной степени жизнь эмигрантского сообщества носила замкнутый характер. Знаменитый философ Н. О. Лосский писал, что уникальность духовных интересов русских не позволяет долго жить в чужой среде, без общения с соотечественниками [Лосский, с. 288]. Эту излишнюю обособленность от принимающего общества отмечали и осуждали сами эмигранты.

За границы диаспоральных признаков выходит складывание своеобразного центра в Париже. Здесь сосредоточились элита, эмигрантские институты, организовывавшие жизнь россиян вне родины и влиявшие на нее, вызревала концептуализация Зарубежной России, формировались формальные и неформальные коммуникации. Также сложился целый ряд «культурных гнезд» в Берлине, Праге, Белграде, Софии, Харбине.

Таким образом, Зарубежная Россия характеризуется более широким спектром отличительных черт, чем диаспора, – это доминирование гражданской, а не этнической идентичности, воссоздание ревностно охраняемого «русского мира» со своими полюсами притяжения, лидерами, «мозговым центром».

Поэтому *в политическом отношении* особенность Зарубежной России проявилась не в приоритетном налаживании взаимоотношений с институтами страны-реципиента, что важно для диаспоры, а прежде всего в попытке создания преемственного органа власти [см. подробнее: Бочарова, с. 178–186] с целью «охранить до последней возможности идею общерусской государственности, дабы не дать расплыться всем организованным силам противобольшевистской России в их тяжелой борьбе за русское дело» [Чему свидетели мы были, с. 406]. Уже в начале 1921 г. возникла конфронтация между военным руководством в лице П. Н. Врангеля⁷ и дипломатическим корпусом по вопросу о том, кто может выступать «носителем правительственной власти, в частности, вступая в сношения с иностранными правительствами» [Там же, с. 407]. Дипломаты считали, что полномочия белого правительства закончились вместе с эвакуацией Русской армии, апеллируя при этом к позиции Франции. 8 февраля 1921 г. конституировалось совещание бывших российских послов [см. подробнее: Миронова] как «единственный орган, основанный на идее законности и преемственности власти... при отсутствии других общерусских учреждений принужденный взять на себя ответственность за казенные средства и за порядок их распределения»

⁷ На I Всезарубежном русском церковном соборе в Сремских Карловцах в конце 1921 г., на котором были представлены все зарубежные епархии, митрополит Антоний в своем послании призвал объединиться вокруг армии как около русского ядра [Политическая история русской эмиграции, с. 654].

[Чему свидетели мы были, с. 408]. При этом подчеркивалось, что оно не претендует на власть. Во главе его встал старейшина российского заграничного представительства М. Н. Гирс. Он признавался: «мы не можем бросить на произвол судьбы ни наших соотечественников, проживающих за границей, ни десятков тысяч обездоленных беженцев» [Там же, с. 404]. Взяв на себя несвойственные функции по решению проблем эмигрантов в условиях «обездоленного и безденежного беженства» [ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 65], совещание послов превратилось в центр принятия решений, управления, коммуникации, разработки общей стратегии борьбы за права россиян в изгнании⁸.

Отличительной чертой Зарубежной России стало ее представительство при международных организациях в Женеве. Так, К. Н. Гулькевич от лица совещания послов отстаивал интересы беженства при верховном комиссаре по делам русских беженцев. Делегаты Комитета Земгора на совещании представителей правительств и гуманитарных организаций при верховном комиссаре по делам русских беженцев в Женеве Н. И. Астров и С. В. Панина осуществляли связь с работавшими здесь гуманитарными организациями, Лигой Наций, привлекали внимание мирового сообщества к проблемам эмигрантов. Имело своего представителя в Женеве Ю. И. Лодыженского и Российское общество Красного Креста (старая организация). В одном из частных писем от 2 апреля 1922 г. С. В. Панина по поводу эмигрантских представительств при Лиге Наций констатировала: «Договор наш был таков: 1) нашей спайкой в Женеве поощрять и поддерживать спайку наших организаций в Париже, отмежевав их (обе, Земгор и РОКК. – З. Б., И. К.) как аполитичные, от других чисто политических организаций в Париже, и 2) перед иностранцами в Женеве всегда выступать согласованно и сообща» [ГАРФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 238. Л. 22]. Налаженное сотрудничество с международными организациями можно расценивать как признание не только значимости самих организаций, но и русского эмигрантского вопроса в целом.

В структуризации эмиграции важную роль сыграли не только общественные организации, продолжившие свою работу за рубежом, но и вновь созданные (которых могло насчитываться в некоторых странах до нескольких сотен!). Спектр решаемых задач и оказываемой ими помощи был широк – от гуманитарно-благотворительных и профессиональных до культурно-просветительских и правовых. В эмиграции продолжилась жизнь политических партий. Чем мень-

⁸ В записке, адресованной президенту и правительству Германской Республики от июля 1925 г., С. Д. Боткин, А. А. фон-Лампе, Ф. В. Шлиппе подчеркивали, что «деятельность дипломатического корпуса не имеет какого-либо специально политического характера и сосредоточена почти исключительно на правовой защите многочисленных русских беженцев, которые числом значительно превышают все население некоторых государственных новообразований (Латвия, Эстония и т. д.), причем в состав беженства входят исключительно культурные элементы, которых было так мало в России» [Политическая история русской эмиграции, с. 28].

ше места оставалось для их деятельности на родине, тем активнее они проявляли себя в эмиграции.

Более того, ими была сделана попытка реализовать свой потенциал через реанимацию элементов государственной структуры. Так, организацию помощи беженцам и их международное представительство взяли на себя бывшие депутаты Учредительного собрания, оказавшиеся за границей и представлявшие более левые партии⁹, а также члены ушедших с политической арены в 1917 г. российских законодательных учреждений – Государственной думы и Государственного совета – в лице Русского парламентского комитета (РПК). Их амбиции основывались на том, что они являлись представительными учреждениями, и им с парламентариями стран-реципиентов легче было найти общий язык.

На статус национального надпартийного центра претендовало Русское национальное объединение (РНО)¹⁰, признавшее иные попытки консолидации эмиграции «неудачными и не могущими по многим причинам удовлетворить патриотически настроенную часть русской эмиграции» [ГАРФ. Ф. 6096. Оп. 1. Д. 4. Л. 1], так как объединения «поневоле носили характер или местный, или групповой, или филантропический, не обнимая всей совокупности задач антибольшевистской России» [Съезд, с. 3]. В него вошли представители не только политических партий (правые кадеты и октябристы), но и других объединений, в том числе РПК. Российский национальный комитет не только развернул активную внутриэмигрантскую и международную деятельность, но и пережил многие другие организации.

Таким образом, Зарубежная Россия проявила себя в политической сфере более широким спектром признаков, чем диаспора, о чем свидетельствуют сформировавшиеся элементы государственности, институты гражданского общества, деятельность которых не ограничивалась конкретной страной, а распространялась почти на все рассеяние и имела трансграничный характер, способствовала интеграции и консолидации и сделала возможным существование многогранной реальности особого «общества в изгнании».

В зарубежье в полном объеме проявились диаспоральные признаки *культурного блока*. Культивирование национального самосознания, культурных достижений, духовных ценностей стало атрибутом эмигрантских музеев, библиотек, архивов, праздников, юбилеев, выставок, образовательных учреждений, научной деятельности с присущим для них мемориальным характером, абсолютизацией дореволюционных

⁹ На совещание бывших членов Всероссийского учредительного собрания в январе 1921 г. съехались 33 из 56 членов, находившихся в эмиграции (22 эсера, пять кадетов, по одному октябристу и энесу, один представитель от казаков, два – от татарской буржуазии кадетской ориентации). Председательствовал на совещании член ЦК партии эсеров Н. Д. Авксентьев.

¹⁰ Конституировалось РНО на съезде 5–12 июня 1921 г. Тогда же был избран Русский национальный комитет в составе 73 членов во главе с А. В. Каргашевым.

традиций [подробнее см.: Муромцева; Щерблыгина]. Одним из лучших способов поддержания национального достоинства было признано «почитание народных героев» [М. В. Ломоносов, с. 3]. Formой объединения и подъема духа русских людей стали Дни русской культуры, праздновавшиеся в день рождения А. С. Пушкина. Л. П. Муромцева отметила, что традиция праздников и юбилейных дат «получила дополнительный стимул в условиях изгнания, пронизанного воспоминаниями о прошлом, как личными, так и связанными с образами культуры, истории и быта старой России» [Муромцева, с. 92]. Вместе с тем «некоторые юбилейные даты стали частью политического противостояния между эмиграцией и советской системой» [Там же, с. 108].

Особая роль эмиграцией отводилась русскому языку как стержню социокультурной идентичности. Факторами его сохранения стали издание прессы, книг, русский театр, обучение детей в «четверговых школах» и др. С целью подготовки кадров для Зарубежной и постсоветской России в Праге, Париже, Харбине были основаны русские вузы и факультеты (от шести до девяти в каждом из этих центров). Постепенно сформировалась образовательная среда (экзаменационные комиссии, Союз русских академических организаций за границей, который мог даже организовывать защиты диссертаций, Педагогическое бюро, определявшее учебные планы гимназий с неизменным набором предметов россики, и пр.). Образованию придавалось особое значение, так как «ввиду почти полного разрушения школы в России именно русская молодежь, выброшенная за границу, доучившись здесь, должна будет восстанавливать Россию из развалин» [ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 59. Л. 2].

В условиях разрыва прежних связей, роста ощущения украденной Родины, угрозы потери гражданской и культурной идентичности, опорных ориентиров, при неурегулированности правового положения, неясной жизненной перспективе архиважное значение для большей части эмиграции имели готовые конструкты, помогавшие обрести твердую почву под ногами, ориентироваться в противоречивых событиях и новой среде, адаптироваться к ней. Такие объединяющие основы предложила Русская православная церковь. В эмиграции началось своеобразное церковное возрождение. Церковный, общественный и политический деятель Г. Трубецкой писал: «Церковь на чужбине заменила родину, в ней изгнанники находили поддержку, бодрость, утешение, надежду. Сюда шли не только помолиться, но и пообщаться, узнать новости, поговорить о политике, завязать деловые связи» [цит. по: Евлогий, с. 458]. На I Всезарубежном русском церковном соборе в Сремских Карловцах (1921 г.) митрополит Антоний в Послании отметил: «И хотя из Родной Земли разошлись Вы [люди русские] по различным краям, но сохранили в непорочности Знамя Русское, стяг великодержавный. <...> И в изгнании мы все поняли, что такое была Земля Русская. Сильнее запылали сердца наши любовью к родным краям (сохранена орфография источника. – З. Б., И. К.)» [цит. по: Политическая история русской эмиграции, с. 654].

Ментальный блок. Дискурс о родине оставался значимой составляющей духовной и общественной жизни эмиграции. Ее идеализированный образ противопоставлялся современному советскому имиджу страны, которая утратила даже свое исконное название и превратилась в «Совдепию», СССР. Противостояние большевистской власти рождало претензии на монопольное обладание истинным обликом России. Г. Ган исследовал широко распространенный стереотип о том, что после эмиграции «Россия» была воссоздана «за пределами России». Автор придает ему большое значение, поскольку узы духовной связи с Россией, ставшие популярными среди эмигрантов первой волны, продолжают циркулировать в среде современной российской интеллигенции, государственных чиновников, которые начали продвигать ирредентистский, националистический дискурс. Г. Ган убежден в современных заимствованиях из эмигрантских дискурсов первой волны, показывая, что российские государственные стратеги все больше стали полагаться на хрупкий и внутренне противоречивый набор диаспорических нарративов для собственного самоопределения России [Gan].

Дж. Армстронг обращает внимание на то обстоятельство, что давление международной среды имеет тенденцию подрывать диаспоральные ценности [Armstrong, p. 393–394]. Русской эмиграции удавалось оставаться устойчивой к ассимиляции благодаря структуризации, конструированию национальной идеи, сохранению исторической памяти, идентичности, родного языка.

Способствовало консолидации и мифотворчество, дававшее мотивацию для оправдания жертвенности, потерь, обретения смысла жизни, для самоидентификации, понимания места и роли эмиграции в контексте российской истории, ее миссионерского предназначения и определявшее в значительной мере ментальность русской диаспоры.

* * *

Диаспора – понятие историческое, прошедшее долгий путь развития. Его теоретическое осмысление, активизировавшееся в 1990-е гг. в связи с глобализационными процессами и активизацией внешних миграций, расширило набор признаков, функций, связанных с ее определением. Этим инструментарием можно оперировать, говоря о российской эмиграции 1920-х гг. Процесс ее диаспоризации как бы опередил время, предвосхитил процессы, которые будут характерны для современных транснациональных сообществ. Об этом говорят особая ментальность, богатство институциональной, политической, культурной, социальной деятельности, которым в полном объеме не обладали ни предыдущие, ни последующие волны эмиграции.

Более того, по ряду параметров феномен пореволюционной эмиграции не вписывается в диаспоральные рамки. Концепт «диаспора» тесен для межвоенной эмиграции, хотя, конечно, может быть исполь-

зован как базовый. «Зарубежная Россия», понятие более объемное, включающее в себя дополнительные признаки, представляется наиболее адекватным, полным, логичным, оправданным и более уместным при исследовании российской эмиграции 1920–1930-х гг. Хотя понятие «Зарубежная Россия» очевидно условное, плод мифотворчества, оно играет важную объяснительную роль для понимания процессов, определявших сущность, уникальность явления, доминант развития и факторов угасания.

Этнокультурные границы российской эмиграции 1920–1930-х гг. значительно шире, чем это предполагает примордиалистская трактовка диаспоры, и не имеют исключительно моноэтнической привязки. Конструктивистский подход более близок к выявлению сущности Зарубежной России, ибо, согласно В. А. Тишкову, диаспора – условная, собирательная, обобщающая категория. Это исторически ситуативный, личный выбор идентификации, стиль жизненного поведения [Тишков, 2001]. То же можно сказать о конструкте «Зарубежная Россия». Ее политическая миссия оказалась шире, чем у диаспоры. Прежде всего речь идет о формировании правовых основ для беженцев, лиц, оставшихся без защиты страны происхождения. Конвенция «О юридическом статусе русских и армянских беженцев» 1933 г. заложила основы новой отрасли международного права. Зарубежной России удалось создать единый центр принятия решений (несмотря на все разногласия), иметь свое представительство (а позже – только влияние) на международной арене – на уровне Лиги Наций, превратиться из объекта в субъект права и политики.

Попытка создать «свою Россию» в эмиграции, альтернативную советской, утратившей прежние нормы и традиции, привела к появлению экстерриториальной квазигосударственности, сохранившей или воссоздавшей атрибуты государственности, но не обладавшей национальным суверенитетом.

Век этого явления, однако, был недолог. Диаспора существует тем дольше, чем теснее ее связи с родиной. Зарубежная Россия создавалась на почве противостояния территориальной/советской России. СССР, в свою очередь, предпринял все возможное, чтобы зарубежье перестало существовать. Но мотивация к сохранению национальных корней, исконной России, к противостоянию натиску инокультурной среды была настолько мощной, что накопленный потенциал рефлексий, связанных с системой ценностей, с «русской идеей», востребован, осмысливается и остается актуальным и в современных условиях.

Библиографические ссылки

Авдашкин А. А. Диаспора: происхождение и развитие понятия // Социум и власть. 2013. № 2 (40). С. 107–111.

Бабич И. Л. Политика и круги общения северокавказцев во Франции в 1920–1930-е годы // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 105–120. DOI 10.31857/S086954150010051-6.

Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. М. : АИРО-XXI, 2014. 404 с.

Бунин И. А. Воспоминания. Париж : Возрождение, 1950. 272 с.

Бунин И. А. Нобелевские дни // Русские писатели – лауреаты Нобелевской премии. Иван Бунин / сост., авт. вступ. очерка А. Архангельский. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 31–41.

ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 59; Ф. 5809. Оп. 1. Д. 238; Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45; Ф. 6096. Оп. 1. Д. 4.

Евлогий, митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М. : Моск. рабочий : ВПМД, 1994. 621 с.

Залитайло И. В. Природа этнонациональных диаспор и диаспоральных образований // Аналитика культурологии : электрон. науч. изд. : [сайт]. 2004. № 2. URL: <http://www.analiculturolog.ru> (дата обращения: 10.06.2023).

Иларионова Т. С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации : (Теория диаспоры). М. : Нойес Лебен, 1994. 167 с.

Интервью НЛО с Уильямом Сафраном, Робинном Коэном и Йосси Шаином // Новое лит. обозрение : [сайт]. 2014. № 127. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/127_nlo_3_2014/article/10982/ (дата обращения: 21.05.2023).

Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом : учеб. пособие. Калинин : Изд-во КГУ, 1977. Ч. 1–. 121 с.

Кондратьева Т. С. К вопросу о понятии «диаспора»: дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 17–43.

Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М. : ИВ РАН «Крафт+», 2001. 170 с.

Лосский Н. О. Воспоминания : Жизнь и философский путь / подг. текста, вступ. ст. и коммент. Е. П. Борзовой, А. Ф. Замалеевой. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 356 с.
М. В. Ломоносов. Речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти / ред. М. М. Новиков. Прага : Рус. свободный ун-т в Праге, 1936. 34 с.

Милитарев А. О содержании термина «диаспора» и к выработке его определения // Диаспоры. 1999. № 2. С. 24–33.

Миронова Е. М. Совет послов Русского зарубежья. Роль в организации и деятельности «государства вне границ» // История : электрон. науч.-образоват. журн. : [сайт]. 2021. Т. 12, вып. 2 (100). DOI 10.18254/S207987840014163-8. URL: <https://history.jes.su/s207987840014163-8-1/?ysclid=lt78jbfh2j341413897> (дата обращения: 21.05.2023).

Муромцева Л. П. Праздники и памятные даты в жизни российской эмиграции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2013. № 6. С. 92–115.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. : Документы и материалы : учеб. пособие / под ред. А. Ф. Киселева. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 776 с.

Полоскова Т. В. Современные диаспоры : (внутриполитические и международные аспекты). М. : Науч. кн., 1999. 252 с.

Скалабан И. А. «Старые» и «новые» диаспоральные сообщества в современном российском городе // ЭКО. 2017. № 10 (520). С. 20–35.

Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. : сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова и Г. Я. Тарле. М. : Ин-т российской истории РАН, 2001. С. 9–44.

Тишков В. А. О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 3–22.

Тощенко Ж. П., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социол. исслед. 1996. № 12. С. 33–42.

Чему свидетели мы были... : переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940 : сб. док. : в 2 кн. / сост., подг. и прим. : Ю. И. Стрижов и др. М. : Гея, 1998. Кн. 2. 621 с.

Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162–184.

Шнирельман В. Н. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 6–34.

Щеблыгина И. В. Память эмиграции : Русский культурно-исторический музей в Праге и его создатель В. Ф. Булгаков // История : электрон. науч.-образоват. журн. : [сайт]. 2022. Т. 13, вып. 7 (117). DOI 10.18254/S207987840022012-2. URL: <https://history.jes.su/s207987840022012-2-1/?ysclid=lf7813q0lx335477669> (дата обращения: 21.05.2023).

Юбилей Е. В. Саблина // Рус. мысль. 1948. 13 авг. № 70. С. 4.

Armstrong J. A. Mobilized and Proletarian Diasporas // *Am. Political Science Rev.* 1976. Vol. 70, № 2. P. 393–408. DOI 10.2307/1959646.

Brubaker R. The “Diaspora” Diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28, № 1. P. 1–19. DOI 10.1080/0141987042000289997.

Cohen R. *Global Diasporas : An Introduction*. 2nd Ed. L. ; N. Y. : Routledge, 2008. 219 p.

Gan G. “And with Me, My Russia/I Bring Along in a Travelling Bag”: Literary and Ethnographic Narratives of Russian Exile and Emigration, Past and Present // *Revolutionary Russia*. 2019. Vol. 32, № 1. P. 154–179. DOI 10.1080/09546545.2019.1607023.

Modern Diasporas in International Politics. L. : St Martin’s Press : Palgrave Macmillan, 1986. 349 p.

Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora : A J. of Transnational Studies*. 1991. Vol. 1, № 1. P. 83–99. DOI 10.1353/dsp.1991.0004.

Van Hear N. *New Diasporas. The Mass Exodus, Dispersal and Regrouping of Migrant Communities*. L. : UCL Press, 1998. 298 p.

References

Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and Proletarian Diasporas. In *Am. Political Science Rev.* Vol. 70. No. 2, pp. 393–408. DOI 10.2307/1959646

Avdashkin, A. A. (2013). Diaspora: proiskhozhdenie i razvitie ponyatiya [Diaspora: Origin and Development of the Concept]. In *Sotsium i vlast’*. No. 2 (40), pp. 107–111.

Babich, I. L. (2020). Politika i krugi obshcheniya severokavkaztsev vo Frantsii v 1920–1930-e gody [Politics and Social Circles of North Caucasians in France in the 1920s and 1930s]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3, pp. 105–120. DOI 10.31857/S086954150010051-6.

Bocharova, Z. S. (2014). *Fenomen zarubezhnoi Rossii 1920-kh godov* [The Phenomenon of Foreign Russia of the 1920s]. Moscow, AIRO-XXI. 404 p.

Brubaker, R. (2005). The “Diaspora” Diaspora. In *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 28. No. 1, pp. 1–19. DOI 10.1080/0141987042000289997.

Bunin, I. A. (1950). *Vospominaniya* [Memories]. Paris, Vozrozhdenie. 272 p.

Bunin, I. A. (1991). Nobelevskie dni [Nobel Days]. In *Russkie pisateli-laureaty Nobelevskoi premii. Ivan Bunin*. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 31–41.

Cohen, R. (2008). *Global Diasporas. An Introduction*. 2nd Ed. L., N. Y., Routledge. 219 p.
Evlogii, metropolitan. (1994). *Put’ moei zhizni. Vospominaniya mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [The Way of My Life. The Memoirs of Metropolitan Evlogy (Georgievsky) According to His Stories to T. Manukhina]. Moscow, Moskovskii rabochii, VPMD. 621 p.

Gan, G. (2019). “And with Me, My Russia/I Bring Along in a Travelling Bag”: Literary and Ethnographic Narratives of Russian Exile and Emigration, Past and Present. In *Revolutionary Russia*. Vol. 32. No. 1, pp. 154–179. DOI 10.1080/09546545.2019.1607023.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 5765. List 1. Dos. 59; Stock 5809. List 1. Dos. 238; Stock 6094. List 1. Dos. 45; Stock 6096. List 1. Dos. 4.

Ilarionova, T. S. (1994). *Etnicheskaya gruppa: genesis i problemy samoidentifikatsii. (Teoriya diaspor)* [Ethnic Group: Genesis and Problems of Self-Identification. (Diaspora Theory)]. Moscow, Neues Leben. 167 p.

Interv’yu NLO s Uil’yamom Safranom, Robinom Koenom i Iossi Shainom [NLO Interviews with William Safran, Robin Cohen, and Yossi Shain]. (2014). In *Novoe literaturnoe obozrenie* [website]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/127_nlo_3_2014/article/10982/ (accessed: 21.05.2023).

Komin, V. V. (1977). *Krakh rossiiskoi kontrrevolyutsii za rubezhom. Uchebnoe posobie* [The Collapse of the Russian Counter-Revolution abroad. A Textbook]. Part 1–. Kalinin, Izdatel'stvo Kalininskogo gosudarstvennogo universiteta. 121 p.

Kondrat'yeva, T. S. (2009). K voprosu o ponyatii "diaspora": diskussiya v nauchnom soobshchestve [On the Question of the Concept of "Diaspora": Discussion in the Scholarly Community]. In *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4, pp. 17–43.

Levin, Z. I. (2001). *Mentalitet diaspor (sistemnyi i sotsiokul'turnyi analiz)* [The Mentality of the Diaspora (Systemic and Sociocultural Analysis)]. Moscow, IV RAN "KRAFT+". 170 p.

Losskii, N. O. (1994). *Vospominaniya. Zhizn' i filosofskii put'* [Memoirs. Life and Philosophical Path] / ed. by E. P. Borzova, A. F. Zamaleeva. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 356 p.

Militarev, A. Yu. (1999). O soderzhanii termina "diaspora" i k vyrabotke ego opredeleniya [On the Content of the Term "Diaspora" and the Development of Its Definition]. In *Diaspory*. No. 2, pp. 24–33.

Mironova, E. M. (2021). Sovet poslov Russkogo zarubezh'ya. Rol' v organizatsii i deyatel'nosti "gosudarstva vne granits" [Council of Ambassadors of the Russian Diaspora. The Role in the Organisation and Activity of the "State beyond Borders"]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal* [website]. Vol. 12. Iss. 2 (100). DOI 10.18254/S207987840014163-8. URL: <https://history.jes.su/s207987840014163-8-1/?ysclid=lt78jbfh2j341413897> (accessed: 21.05.2023).

Modern Diasporas in International Politics. (1986). L., St Martin's Press, Palgrave Macmillan, 1986. 349 p.

Muromtseva, L. P. (2013). Prazdniki i pamyatnye daty v zhizni rossiiskoi emigratsii [Holidays and Memorable Dates in the Life of Russian Emigration]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. No. 6, pp. 92–115.

Novikov, M. M. (Ed.). (1936). *M. V. Lomonosov. Rechi, proiznesennye na sobranii v pamyat' 170-letiya so dnya ego smerti* [M. V. Lomonosov. Speeches Delivered at a Meeting in Memory of the 170th Anniversary of His Death]. Praga, Russkii svobodnyi univesitet v Prage. 34 p.

Politicheskaya istoriya russkoi emigratsii. 1920–1940 gg. Dokumenty i materialy [Political History of Russian Emigration. 1920–1940. Documents and Materials]. Moscow, Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr VLADOS. 776 p.

Poloskova, T. V. (1999). *Sovremennye diaspor: (vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty)*. [Modern Diasporas: (Internal Political and International Aspects)]. Moscow, Nauchnaya kniga. 252 p.

Safran, W. (1991). Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. In *Diaspora. A J. of Transnational Studies*. Vol. 1. No. 1, pp. 83–99. DOI 10.1353/dsp.1991.0004.

Schnirelman, V. N. (1999). Mify diaspor [Myths of the Diaspora]. In *Diaspory*. No. 2–3, pp. 6–34.

Sheheblygina, I. V. (2022). Pamyat' emigratsii. Russkii kul'turno-istoricheskii muzei v Prage i ego sozdatel' V. F. Bulgakov [Memory of Emigration. The Russian Cultural and Historical Museum in Prague and Its Creator V. F. Bulgakov]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal* [website]. Vol. 13. Iss. 7 (117). DOI 10.18254/S207987840022012-2. URL: <https://history.jes.su/s207987840022012-2-1/?ysclid=lt78l3q0lx335477669> (accessed: 21.05.2023).

Sheffer, G. (2003). Diaspora v mirovoi politike [Diasporas in World Politics]. In *Diaspory*. No. 1, pp. 162–184.

Skalaban, I. A. (2017). "Starye" i "novye" diasporal'nye soobshchestva v sovremennom rossiiskom gorode ["Old" and "New" Diaspora Communities in a Modern Russian City]. In *EKO*. No. 10 (520), pp. 20–35.

Strizhov, Yu. I. et al. (Eds.). (1998). *Chemu svideteli my byli... Perepiska byvshikh tsarskikh diplomatov, 1934–1940. Sbornik dokumentov v 2 kn.* [What We Witnessed... Correspondence of Former Tsarist Diplomats, 1934–1940. Collection of Documents. 2 Books]. Moscow, Geya. Book 2. 621 p.

Tishkov, V. A. (2001). Istoricheskii fenomen diaspor [The Historical Phenomenon of the Diaspora]. In Polyakov, Yu. A., Tarle, G. Ya. (Eds.). *Natsional'nye diaspor v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv. Sbornik statei*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 9–44.

Tishkov, V. A. (2005). O kul'turnom mnogoobrazii [About Cultural Diversity]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 1, pp. 3–22.

Toshchenko, Zh. P., Chaptikova, T. I. (1996). Diaspora kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an Object of Sociological Research]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12, pp. 33–42.

Van Hear, N. (1998). *New Diasporas. The Mass Exodus, Dispersal and Regrouping of Migrant Communities*. L., UCL Press. 298 p.

Yubilei E. V. Sablina [E. V. Sablin's Birthday]. (1948). In *Russkaya mysl'*. 13 Aug. No. 70, p. 4.

Zalitaylo, I. V. (2004). Priroda etnonatsional'nykh diaspor i diasporal'nykh obrazovaniy [The Nature of Ethnonational Diasporas and Diaspora Formations]. In *Analitika kul'turologii. Elektronnoe nauchnoe izdanie* [website]. No. 2. URL: <http://analiculturolog.ru/> (accessed: 10.06.2023).

The article was submitted on 24.07.2023